

18+
АВЕНИР ДЕКАБРИСТ

Дорога к воскрешению

Авенир Декабрист

Дорога к воскрешению

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63583986

ISBN 9785005196033

Аннотация

Путник, потерявший память, идёт по дорогам, встречается случайных людей: добрых, равнодушных и злых. Он ведёт себя чаще неадекватно. Каждая встреча в цепи приключений приносит в память напоминание о его жизни. Постепенно картина полностью восстанавливается — это жуткое происшествие с предательством.

Содержание

Глава 1 На высоком берегу на крутом	5
Глава 2 Находка и потеря	25
Глава 3 На другом конце вселенной	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дорога к воскрешению

Авенир Декабрист

© Авенир Декабрист, 2020

ISBN 978-5-0051-9603-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 На высоком берегу на крутом

Солнце готовилось спрятаться за гору, а пока ласково заигрывало с бронзовой кожей двух девушек. Они стояли на пригорке, подставив лица прощальным лучам и лёгкому ветерку.

Соня — высокая, худощавая, с каштановыми кудряшками — закрыла глаза и мечтательно напевала одной лишь ей известную мелодию, возможно сочинённую самой. Света рассматривала пейзаж, простирающийся с высокого берега в далеко обозримое пространство. Она вглядывалась в каждую деталь рельефа, будто выполняя задание по точному описанию местности. Её чуть полноватая фигура, с одной стороны, контрастировала с фигуркой Сони, с другой — дополняла зримый образ подруги. Видеть их вместе — доставляло приятное чувство гармонии.

Их мужчины — Тимур и Тимофей — хозяйничали у палаток и у кострища. Из маленького магнитофона звучала мелодия Юрия Антонова. «На высоком берегу на крутом», — подпевал Тимофей.

Крепыш Тимур по телосложению больше подходил Светлане, однако, любовь получилась с Соней. Худенький Тимофей составил семейную пару со Светланой. Все четверо

крепко дружили, не раз совместно шутили на тему несоответствия, только отношения у пар от этих разговоров несколько не ухудшались.

Молодые люди отдыхали на берегу реки. Место выбрали на самом высоком месте, точнее, метрах в пятидесяти от обрыва. Купаться ходили за полкилометра: нужно было спуститься по тропинке вниз вдоль берега и там, на специально отгороженном валунами участке, располагался небольшой песчаный пляж. Тропинка вела дальше, мимо пляжа в гору. Пологий склон протянулся на добрый километр. Именно по этому пути они пришли сюда. До ближайших мест проживания людей добираться приходилось долго. Но это и радовало: хотелось насладиться уединением.

– Красавицы, — обратился Тимур в свойственной южанам манере поведения с женщинами, — приглашаем на ужин!

– Сейчас, — отозвалась Соня, не открывая глаз. Так приятно было ощущать нежное тепло солнечных, не жарких уже, лучей.

– А к нам кто-то идёт, — сообщила спокойно Света.

Соня открыла глаза.

– Где?

– Вон там, с горы спускается... путник.

– Почему же к нам? Может, кто-то идёт мимо... в определённое место, не подозревая даже о нашем лагере.

– Дорога ведёт сюда, — уверенно продолжила Светлана, — и обрывается здесь у обрыва. Куда же идти?!

— Это не дорога, а тропа, — решила поспорить Соня. — А дорога, наверное, есть... где-то поодаль, за лесочком. И этот человек, возможно, знает о ней... поэтому идёт.

Заинтересованный разговором подруг, Тимофей приблизился к ним.

— О чём речь, похожая на спор? Быть может сгложусь на роль знатока и разрешу сомнения.

— Тим, смотри: видишь, с горы спускается человек... по тропе? — сказала Света.

— Какая глазастая! Даже специально присмотревшись трудно заметить. Идёт, ну и пусть идёт. Нам-то что?! Он далеко, ещё сто раз свернуть можно, не доходя до нас.

— Не согласна! — упорствовала Света. — Дорога ведёт к нам. Значит, нужно подготовиться к встрече незнакомого человека.

— Правильно, — заявил шутливо Тимофей, наклонившись подхватил подругу, так что она повисла у него на плече, понёс к палаткам. — Поужинаем и потом приоденетесь.

Света притворно завизжала. Соня, улыбаясь, последовала за ними...

После ужина продолжали сидеть у костра. Ветерок, вопреки ожиданию, не ослаб, а усилился слегка и посвежел. Девушки накинули кофточки, оставаясь в шортах. Тимофей периодически ворошил прогоревшие сучья, подкладывал ещё из заготовленной кучи валежника.

— Чем займёмся в сегодняшней вечер? — спросила Соня.

— Так мы уже занимаемся: сидим и молчим, — ответил Тимофей. — Вчера напелись, пусть горло отдохнёт.

— Не горло, а связки, — поправила спорщица Света.

Тимур встал и, не объясняя причины, удалился в палатку. Повисла тишина. В сознаниях молодых людей воцарилась умиротворённость. На лицах отображалось полнейшее спокойствие.

Внезапно лёгкий треск сухой ветки прервал тишину. Одна лишь Светлана отреагировала поворотом головы в сторону звука. Сумерки почти сменились ночной тьмой, но фигура человека ещё замечалась с двух десятков метров. К тому же вспыхнувшая ветка в костре добавила света. По направлению к костру медленно брёл человек, похоже, что мужчина.

— Я же говорила, — тихо произнесла Света. — Вот и он.

Тимофей и Соня подняли взгляды от костра в сторону пришельца. Все трое замерли в ожидании. Мужчина так же не спеша подошёл к костру, молча опустился на колени, посмотрел на угольки, поднял лицо поочерёдно на каждого. Соня инстинктивно прижалась к сидевшему рядом Тимофею.

На лице незнакомца непривычно отображалась какая-то детская наивная улыбка вперемежку с радостью. Даже говорунья Светлана не знала, как вести себя с таким непонятным человеком. В это время вернулся Тимур, надевший джинсы.

— Что, у нас гость? — спросил Тимур, ещё не замечая

странности в поведении незнакомца. — Он отодвинул от Со-ни Тимофея, сел рядом, обняв девушку за плечи. — Кто вы, откуда и куда? — обратился взгляд в сторону гостя.

Незнакомец молча улыбался, глядя на Тимура, слушая его голос, порой какие-то мысли отображались в мимических подёргиваниях. Но он молчал!

— Тимур, — сказала Светлана, — этот путник, по-моему, какой-то странный... Улыбается чему-то... и зачем-то.

— На ребёнка похож, — осмелела Соня.

— Гм! — произнёс многозначительно Тимур. По его лицу проскользнула заметная тень недовольства. — Этого нам только не хватало!

Молчавший до того Тимофей шумно выдохнул.

— Нельзя так. Некрасиво.

— А врываться в незнакомую компанию красиво?! — произнёс Тимур чуть мягче.

— Я думаю, что он, наверняка, голоден. Нужно предложить ему еду, — сказала Соня.

— Каким образом, если он не разговаривает? — озадачилась Света.

— Я принесу бутерброд и кофе из термоса, — решила Соня и встала, убрала с плеча руку Тимура и пошла к палатке. Тот зыркнул в сторону подруги, но промолчал.

Путник протянул руку к уголькам, ощущая тепло, слегка зажмурился на мгновение. Подошла Соня, присела рядом с гостем, тронула его за плечо. Незнакомец широко улыбнулся.

ся ей, поморгал глазами.

— Вот, возьмите, — поспешно сказала Соня, подала бутерброд и кружку с кофе. Привстала, намереваясь отойти.

Гость задумчиво глянул на еду, осторожно взял кружку левой рукой, а правой погладил руку Соне. Тимур заёрзал, тербя подбородок, но высказывать недовольство не стал. Соня придвинула руку с бутербродом ближе к лицу незнакомца, чтобы он обратил наконец внимание. Вблизи рассмотрела мужчину: на лбу виднелся шрам, лицо давно не бритое, борода неухоженная. «Скитается», — подумала Соня.

Путник взял бутерброд, и Соня тотчас отошла на своё место. Мужчина проводил её взглядом, лишь затем принялся за еду.

— Видно же, что давно не ел, — тихо подметила внимательная Светлана, — а ест культурно, не хватает, как собака.

— Тише, он может всё слышать, хоть и не говорит, — урезонила подругу Соня.

Молодые люди ненавязчиво наблюдали за незнакомцем в процессе его трапезы. Путник одобрительно улыбался всем по очереди; его улыбка, или просто такое выражение лица, не сходила ни на миг, словно он всё время пребывал в состоянии радости.

— Как будем ночевать? — произнесла неугомонная Светлана.

— По очереди, — хмуро высказался Тимур. — Пусть спит

у костра... если хочет, или сидит всю ночь. Кто-то должен оставаться рядом с ним... караулить.

— Я не думаю, что он вор, — сказала Соня печально, видимо, появилось недовольство от слов Тимура.

— Я не о том! — повысил голос Тимур. — Сжечь может и палатки и нас... Или вдруг у него нож в кармане.

— Он скорее похож на юродивого, — заметила Света. — Опасности, конечно, не представляет. А посидеть рядом придётся всё же. Тут я согласна.

Тимур поёрзал, повернулся в сторону незнакомца.

— Послушай, вот я — Тимур, она — Соня, он — Тимофей, это — Света, а ты?

Путник молчал. В темноте при слабом свечении угасающего костра трудно рассмотреть выражение лица, поэтому сделать вывод о понимании со стороны чужака никто не брался. Компания ожидала. Наконец Тимур встал, подбросил в костёр валежника.

— Дохлый номер, — пробурчал он с досадой, выражая недовольство и появлением гостя, и поведением подруги. Уж Соня-то понимала его по любой мелочи в действиях.

— Скоро спать — думаю, не стоит разжигать большой огонь, — сказала Светлана.

— А ты с ним в темноте будешь сидеть? — с ехидцей продолжил выплёскивать негатив Тимур.

— Посижу, — спокойно ответила Света.

В разговор вступил Тимофей:

– Тимур, какая собака тебя укусила?! Что такого случилось? Природный катаклизм?

– Я-то ничего... спокоен, — утихомирился Тимур и сел. Только подёргивание плечами в отблесках воспламенившихся веточек выдавало иное.

– А давайте-ка на самом деле спать, — решительно предложила Света. — Мы с Тимоёй посидим, а вы идите. Когда наш гость заснёт — останется кто-то один из нас... Можно по очереди.

Тимур посмотрел на сникшую Соню, склонившую голову вниз; её локти упирались в колени, а ладони держали подбородок с двух сторон, как обрамляющая рамка. Тимур прикоснулся к плечу подруги.

– Пойдём?

Соня встала, прошла несколько шагов, обернулась.

– Спокойной ночи! — произнесла она тихонько.

– Добрых снов! — напутствовала Света.

Когда Соня с Тимуром ушли, Тимофей завёл разговор о госте.

– Может, принести ему что-нибудь укрыться?

– Не знаю... А что?

– Хоть куртку мою.

– Она же лёгонькая, не согреет.

Тимофей помолчал и предложил затем более разумное по его пониманию:

– Вот что: иди-ка, Светочка, отдыхать, а я буду костёр под-

держивать — дров заготовили достаточно, — так что будет тепло ему. Погляжу, как он поведёт себя. Если уляжется — укрою... хотя бы скатертью. А что?! Подойдёт.

– Нет уж — вдвоём посидим! Я тебя одного не брошу.

– Миленькая моя, тебе всё же лучше отдохнуть, а я... ого-го как много сил накопил.

– Ах, ты Геракл мой!

Парочка соединилась в сладостном поцелуе. Путникглянул на них и отвёл взгляд, затем медленно улёгся на правый бок, поджав колени к груди. Через минуту Света с Тимофеем, оторвавшись от губ друг друга, обнаружили гостя в ином положении — удивились и одновременно обрадовались: меньше хлопот.

– Позже укрою, — сказал Тимофей, — сейчас ему ещё не холодно.

Некоторое время посидели молча, глядя на угольки. Из палатки приятелей раздался короткий недовольный возглас Сони. «Не настроена!» — мысленно посочувствовал Тимофей приятелю. Света лишь чуть повернула голову в ту сторону, но озвучивать своё мнение не стала.

– Как думаешь, что случилось? — спросила Светлана спустя минуту.

– Соне не до объятий... ничего особенного, бывает.

– При чём Соня?! Я про странника.

– А-аа!.. Какое точное определение ты озвучила — странник!

– Мне интересно, что он за человек, куда идёт, что ищет?

– Сразу не поймёшь... с первого взгляда. Даже опытному психологу потребуется время. Думаю, он одинокий. А раз нет семьи и родственников — решил постранствовать.

– Не подходит! Если человек не говорит, значит нечто произошло: какая-то травма, психическая или физическая.

– Светик, не будем гадать. Всё равно не узнаем истину.

– Но любопытно же.

– Ты неугомонная и любознательная... во всём!

– Плохо разве?

– Наоборот — люблю за это!

Парочка вновь предалась поцелуям. Наконец Тимофей отпустил голову жены, вдохнул прохладный ночной воздух, выдохнул его, наполнив внутренней энергией жизнерадостности и счастья, словно желая поделиться со звёздным небом.

– Между прочим, когда я вечером обзревала окрестности, то увидела за горой, откуда приходят сюда путники, довольно тёмную тучу.

– Выходит, мы тоже путники, раз пришли с той горы, — воспользовался Тимофей паузой.

– Ха! Ну конечно... ещё какие путники, хорошо хоть, что не странники!

– Да, мы простые путешественники... А что ты хотела сказать, когда упомянула гору?

Света помолчала мгновение, подняла голову к небу, слов-

но за подсказкой. Так и случилось: часть ночного неба без звёзд напомнила.

– Так вот: туча была за горой, только выползала, а сейчас закрыта треть небосвода. Как бы дождь не пошёл!

– Спрячемся! Делов-то!.. Ты беспокоишься о страннике?

– Человек ведь!

– Что ж, заберёмся в нашу палатку... посидим втроём.

– Ты отзывчивый!

– Слушай, согласно нашего предположения, возможно, начнётся дождь. Поспать не удастся: втроём места мало. Поэтому... — Тимофей наклонился к лицу любимой и продолжил уговаривать как ребёнка, в назидательно-заботливой форме: — пойди, милая, в палаточку и поспи. Если часа через три дождя не будет, я — так и быть — разбуду тебя, чтобы твоя забота обо мне имела воплощение.

– Тима, не смейся! От таких слов не то что не заснёшь, а больше возбудишься.

– Не время возбуждаться! Как-нибудь потом, — продолжил шутливую манеру муж. Потом серьёзно добавил: — Правда, иди... а я посижу.

– Что ж, логично. Пойду.

Света ещё раз прикоснулась губами к щеке мужа, встала и на прощанье посоветовала:

– Огонь поддерживай — сонливости меньше будет.

– Ладно.

Светлана ушла. Тимофей наклонился над незнакомцем.

«Пора укрыть», — решил он. Подбросил в костёр веток, сходил под натянутый полог для вещей и продуктов, нашёл там скатерть для импровизированного стола. Когда набрасывал полотно, в свете разгоревшегося с новой силой костра заметил на лице бородача мимическое отображение неведомых переживаний во сне. «М-да! Непростая, видно, история с тобой случилась!» — посочувствовал путнику.

Долго смотрел на небо. Звёзды наблюдались лишь на половине небосклона, впрочем, явных признаков ухудшения погоды не ощущалось.

Тимофей глядел на бегающие сполохи угольков; мыслей оставалось всё меньше. В итоге воцарилась единственная — виртуальный голос исполнял застрявшую с вечера в памяти мелодию: «И с тобою вдвоём мы всю жизнь проживём на высоком берегу на крутом». «Проживём, — вторил голосу Тимофей, — только не на берегу... крутом». Потом возникла Света: она бегала вокруг, ускользя из рук, и напевала ту же песню: «Весна какая выдалась, какие дни настали!» Наконец Тимофей перестал вообще что-то осознавать, только ощущения органов чувств напоминали дремлющему мозгу о внешней среде, и тело человека реагировало лёгкими подёргиваниями...

Внезапно сигнал настороженности, а следом и опасности, заставил Тимофея вздрогнуть, открыть глаза. Сильный вихрь поднял пепел с потухшего костра, швырнул в глаза, на одежду. Раздался грохот кухонной утвари под пологом.

«Чёрт возьми! — воскликнул Тимофей, когда пылевою завесу прорезал зигзаг молнии. Сразу же громыхнул треск. — Гроза! Права была Света».

Тимофей вскочил, бросился в сторону палаток. Оттуда уже раздавались голоса Светланы и Тимура. Вновь чиркнула молния. Тимофей успел разглядеть Соню, зажимающую на груди одежду, Тимура, бегущего к сорванному пологу, Свету, показавшуюся из палатки. Она открыла рот, но грохот заглушил её отчаянный крик. Тимофей интуитивно развернулся и глянул в сторону костра. Ничего не видно! Подскочил к месту, где лежал странник — пусто. Новая вспышка высветила силуэт незнакомца на краю обрыва. Тимофей сорвался в том направлении. Практически в темноте каким-то чудом тормознул на самом краю, едва не свалившись вниз, возможно из-за грохота, словно пригвоздившего его к месту. Опять вспышка. По краю сползала рука путника, а тело его уже находилось на склоне. Тимофей успел схватить руку незнакомца, упал на землю, уцепился за кисть и второй рукой. «Держись!» — выкрикнул он, понимая, что держать нужно самому. Позади раздавались окрики друзей. Двое мужчин, тем не менее, сползали в овраг, медленно, но неуклонно. Тимофей сжал зубы, силясь преодолеть вес странника и задержаться. В последний момент, когда стало очевидным, что свалятся оба, Тимофей сообразил, что самому лучше остаться: меньше хлопот будет для приятелей. Он отпустил руку бродяги.

В свете молнии блеснули на миг глаза на внешне невозмутимом лице, затем человек закувыркался по склону. Последняя вспышка помогла Тимуру увидеть Тимофея и задержать его падение.

Направились к палаткам. Светлана прижалась к Тимофею. Он обнимал её за плечо.

– Тима, что произошло? Как он оказался на обрыве?

– Не знаю. Гроза началась. Я отвлёкся на грохот кастрюль, на ваши возгласы. Потом в свете молнии увидел его на краю... К сожалению, не смог удержать.

– Жаль человека! Нужно помочь ему каким-то образом, — сказала Соня.

– А каким образом?! — не то с иронией, не то с раздражением громко заявил Тимур. — Мы его сейчас не найдём! Может, он в воду скатился... и утонул. Нам следом, что ли, прыгать?!

– Пойдём и проверим! — твёрдым и спокойным тоном произнесла Света. — Соня останется здесь, а мы втроём спустимся по тропе на пляж, затем влево вдоль берега пойдём. Соня сверху будет фонариком сигнализировать как маяк, указывая на вот это место... чтобы мимо не прошли.

– Я одна боюсь, — тихо заметила Соня. — Может, мы со Светой тут, а мужчины пойдут?

– Сонечка, возможно, там вдвоём не обойтись. Допустим, он лежит без сознания; тогда парни будут нести, а я — освещать дорогу.

Соня вздохнула:

– Разумно.

– Разумней отправиться, когда рассветёт... да и гроза закончится, — снова недовольно буркнул Тимур.

– Нет сейчас! — возразила Света.

– Тимур, она права, — заявила Соня.

Тимур замолчал и даже отпустил руку Сони.

Зашли в палатки, чтобы одеться по-другому. Неожиданно хлынул дождь.

– При таком ливне мы рискуем поскользнуться на тропе и свалиться, — громко выразил опасение Тимофей, чтобы слышали в соседней палатке.

– И я о том же, — поддакнул Тимур.

– Сами мы не свалимся, а вот если нести тяжёлого человека, то сложнее окажется, — согласилась Светлана. — Переждём. Вдруг гроза быстро кончится.

– Хорошо, — ответил Тимур.

Следом громыхнуло. Тимофей продолжил одевание. Света уже была готова.

– Тимура не узнаю, — сказала она тихо. — Чем ему не понравился чужой человек?! Не век же с ним жить!

– Тише, услышат!

Тем временем у соседей длилась напряжённая пауза. Наконец Тимур промолвил:

– Ближе к краю не подходи: скользкая земля.

– Понимаю.

Дождь вскоре ослаб настолько, что выглянувшая из палатки Светлана оценила его, как «слабенький».

— Выходим! — скомандовала она громко. — Не забудьте надеть дождевые накидки!

Тимур и Соня за ним появились через пять минут ожидания. Света скрыла недовольство за отвлечённой фразой:

— Такое ощущение, что рассвет начинается.

— Судя по времени, так и есть, — сказала Соня. — Уже пять часов.

Фонариков нашлось только два, пришлось один (послабее) оставить Соне. Сначала вчетвером приблизились к краю обрыва метров за пять. Проверили, насколько скользкая почва, чтобы Соня уверенно стояла вблизи края.

— Тебе лучше лечь и подползти к краю, — подсказала Светлана подруге.

— Вымажусь вся.

— Зато безопасно.

— Вообще-то, фонариков нужно два, как минимум... там, внизу, — высказался Тимофей. — Поэтому Соне лучше пойти с нами. Искать придётся везде, а не только возле этого косяга. Он может отползти, отойти...

Посоветовались несколько минут, поспорили и решили идти вчетвером. Тимур опасался оставлять без присмотра палатки, но его вскоре переубедили. Или он сам понял: лучше не спорить, и так отношения с Соней натянуты.

Двинулись в путь. Впереди шла Света, как самый ини-

циативный член коллектива. За ней выстроились цепочкой Тимофей, Соня, Тимур. Тропа, действительно, представляла собой скользкий путь. Несмотря на предосторожности, каждый не раз падал. У Светланы треснуло стекло фонарика — он перестал работать. Пришлось Соне отдать свой идущей впереди подруге.

Спустились к валунам. Дождь ещё моросил, однако, приближающийся рассвет подсветил тонкую облачность, и небо казалось тускло светящим огромным светильником-ночник-ком.

— Скоро станет светло, так что и без фонариков справимся, — заметил Тимофей.

— Сумерки здесь длятся минут сорок, поэтому ещё помучимся, — отреагировала Света.

Вышли на пляж. По мокрому песку двигались с трудом, поэтому на каменистый участок берега вышли изрядно обессиленными. Но и по гальке идти не проще: ноги скользили на мокрых крупных камнях.

— Пора всматриваться, — решил Тимур проявить хоть какую-то инициативу, — метров сто прошли в обратном направлении.

— А я давно гляжу по сторонам, — сказала Светлана, — с самого пляжа.

Света водила фонарём по сторонам, вверх по склону, по воде. Друзья вертели головами вслед за лучом.

Соня заметила метрах в десяти от берега тёмное округлое

пятно, напоминающее спину человека.

— Что там? — встревоженно спросила она.

Светлана сразу направила туда луч.

— Я видела: это не человек, а валун. Наш странник сюда бы не упал, мы ведь не дошли до того обрыва. Видите, — Света провела лучом по краю берега слева направо, — берег всё повышается, а у нас там высшая точка. Но сюда он мог прийти, если в состоянии. Так что смотрим внимательно!

Света продолжила шарить лучом во всех направлениях, остальные молча разглядывали пустынный берег и воду, испещрённую падающими сверху мелкими каплями.

Когда добрались до подножия самого высокого места — Светлана высветила верхний край, и все согласились, — уже изрядно рассвело. Можно было ориентироваться и без фонаря.

— Ищем хоть какие-то следы! — напутствовала Светлана.

Напарники безропотно шарили взглядами по камням, по склону, пытаясь найти хоть какую-то зацепку. Повезло Соне. Промелькнувший луч на мгновение отразился искоркой среди мелкой гальки.

— Свет, ну-ка сюда... посвети.

Светлана отреагировала быстро, направила свет, куда указала Соня.

— Что тебя заинтересовало?

— Что-то сверкнуло. Галька так не отражает свет. Блестящее...

— Ищем. — Света наклонилась совсем низко к камням.

— Давай по-другому, — попросила Соня. — Встань, где стояла... чуть левее и дальше... Теперь проведи лучом туда-сюда.

Светлана послушно исполняла команды. Соня сама изменяла положение тела и сдвигалась влево-вправо. Мужчины приблизились помочь.

— Задержитесь, — попросила их Света, — можете затоптать.

— Стоп! — Соня резко наклонилась. — Света, сюда!

Светлана встала рядом и обе они внимательно вглядывались в каждую песчинку в свете луча.

— А что нам даст какая-то блестяшка?! — сказал Тимофей. Странника нет. Его надо искать, то есть двигаться дальше, куда он, скорее всего, пошёл.

— Если он пошёл, то мы его уже не догоним, потому что прошло много времени, — заявил Тимур.

— Пошёл-то пошёл, — протянула Света, занятая делом, а не размышлением, — только вопрос в том, насколько хватит сил. Может сгоряча рванул, а потом травма дала себя знать... и свалился!

Соня тем временем молча подняла мелкий предмет и поднесла к лицу. Света тут же осветила руки подруги.

— Это золотая коронка... зубная, — определила Соня.

Света осторожно взяла блестящую штучку своими пальцами и тоже рассмотрела.

– Да. Согласна... Ударился о камни, коронка слетела. Мог даже зуб потерять, но его вряд ли найдём. Просто чудо, что Соня случайно заметила проблеснувший камешек. Следов крови тоже не обнаружить: дождь смыл, если и были. Пройдём немного. Если поблизости не обнаружим, то смысла нет идти дальше — в этом Тимур прав: много времени прошло.

Прошли метров двести. Когда уже совсем рассвело, нашли клочок ткани, скорее всего от брюк.

– Брюки разорвались при падении, клоч болтался, может даже мешал идти — волочился по земле, — а дядька его оторвал, — предположила Соня.

– Возможно, — в задумчивости произнесла Света. Потом она приободрилась и озвучила свои мысли: — Думаю, пора нам закончить наше путешествие. Как только подсохнет, сворачиваем лагерь. В ближайшем населённом пункте нужно рассказать о страннике.

Глава 2 Находка и потеря

Глаза запечатлели лицо сверху; оттуда же требовательно и властно, как подсказало сознание, раздался призыв: «Держись!» Свет, мелькнувший на мгновение, пропал. Всё вокруг закружилось; тело стучалось о невидимые во тьме предметы, отдаваясь болью и непониманием происходящего. Это казалось ужасным, злым, потому что сопровождалось кратковременным грохотом сверху. Внезапно, словно отголосок на услышанное, где-то внутри головы возник иной образ — другое лицо, не похожее на только что увиденное, — который также призывал: «Держись...» Тот давний, почему-то безликий, но всё же похожий внешне на него самого, крикнул ещё что-то после этого требовательного «держись». Догадался, что тот называл его, обращался именно к нему. «А кто я? — озадачился человек, уже лёжа без движения на спине. — Как меня обозначают другие, похожие не меня, которые умеют издавать понятные звуки?»

Путник полежал ещё немного, напрягая мозг в поисках определённости своего состояния конкретно сейчас и вообще... задолго до этого момента. Мысли не стыковались, спонтанно меняли направленность — это принесло ощущение мучительной тяжести в голове и нежелание продолжать думать. Тогда он сосредоточился на ощущениях тела. Одна рука, когда пошевелил ею, захлопала по воде — это такое

жидкое вещество, которое хотелось временами влить себе внутрь; другая рука нащупала под боком острый предмет — он неприятно давил на кожу. Человек вытащил это из-под себя и откинул в сторону. Раздался знакомый звук плюханья маленьких округлых предметов в жидкое. Опять на мгновение всплыл забытый образ, сопровождаемый более приятными звуками, приносящими радость, когда вместе бросали в жидкое такие небольшие твёрдые предметы. «Во-да», — вполне осознанно издал он звуки, вспомнив это простое обозначение. Обрадовался, что получается называть окружающее, но сразу же забеспокоился, что станет тяжело внутри того, что даёт определения. Он взялся руками за голову, сжав её с боков, будто оберегая от мучительного состояния.

Внезапно сверху обрушился поток воды, состоящий из маленьких порций. Тогда он вскочил, понимая необходимость спрятаться, и пошёл наугад, то ступая в воду, то спотыкаясь о крупные камни. Ноги скользили по мокрым маленьким твёрдым предметам. Он часто падал, издавал при этом произвольные звуки, означающие неприятие такого местонахождения. Стремился ускорить покидание неприятного, чуждого сознанию места.

Постепенно мир вокруг светлел. Сверху вода не падала уже в таком большом количестве. Усталость шатала его из стороны в сторону. Казалось, совсем нет сил продолжать путь. Лишь нечто затаённое — бережно хранимое обозначение цели — двигало вперёд. Он на мгновение сосредото-

чился на этом непонятном для него предназначении: зачем и куда он идёт. Смутно понимал: «Надо, во что бы то ни стало, вопреки всему!» Правда, не мог точно дать определение цели — назвать то, что ему нужно сделать!

Вдруг его взгляд остановился на небольшой лодке вблизи берега (в его понимании — предмет, на котором можно плыть по воде); она качалась от волн, набегавших сюда — в чуть отгороженное мыском от реки место. Он забеспокоился, что сооружение может убежать по воде, поэтому спонтанно залез в лодку. Также бездумно оттолкнулся от берега ногой, и лодка, влекомая течением, стала отходить от берега. Обессиленный человек лёг на днище на спину...

Путник открыл глаза, разбуженный яркими лучами солнца. Прошёлся взглядом по ногам, лодке, небосводу. Осознал, что руки крепко вцепились в края бортов. Это напомнило сновидение: далёкий безликий образ, призывающий держаться. Ему стало понятно, что такое «держись» — это как раз то, что делают руки. Человек обрадовался такому совпадению: тогда... давно, он тоже держался за края. Он помнит! Значит, становится понятнее его существование. Ночью сон казался кошмаром; путник в первые секунды пробуждения не сразу отошёл от тягостного состояния, но солнечная погода и появление нового понятия в мыслях настроили на радость.

Человек сел, убрал руки с бортов, поглядел на водное пространство, окружающее место его обитания. Наклонился

за борт, поплескал рукой, улыбаясь при виде брызг. «Вода», — произнёс он отчётливо и уверенно. Даже зажмурил глаза от удовольствия.

А когда открыл, начал рассматривать окружающее пространство. Он, на своём твёрдом убежище, находился среди водного простора. С одной стороны вдалеке виднелась суша, с другой — возле судёнышка из воды торчало много зелёных тонких предметов. «Тра-ва», — вспомнил он, лишь чуть напрягая мысли. И вновь почувствовал удовлетворение от того, что можно вспоминать названия и не чувствовать тяжести вверху. Человек инстинктивно прикоснулся к голове: там ничего не происходило.

Посмотрел по сторонам, убедился в неподвижности предмета, на котором сидит. Догадался, что именно трава мешает продвигаться. Попробовал раздвигать заросли одной рукой, а второй отталкиваться от воды — грести. Ничего не получалось. Раздосадованный неудачей, посидел, не производя никаких действий.

Решений пришло без обдумывания: просто перешагнул через борт. Лодка накренилась, и он едва справился, чтобы не упасть. Вода доходила до пояса. Путник отпустил борт, за который держался и пошёл по краю зелёного поля. Ему не хотелось идти в другом направлении: он же видел, какой далекой казалась суша, а здесь интуитивно надеялся найти твёрдую почву где-нибудь рядом.

К счастью, вскоре заросли закончились, и он по мелко-

воду вышел на берег. В первые мгновения оглядел мокрые штаны: истрёпанные, чуть разорванные внизу — ночью он сам оторвал клочок, попадающий при ходьбе под ботинок. Путник даже оглядел внимательно обувь, но ничего в сознании не всплыло.

Вдоль берега шагать трудно, поэтому он непроизвольно отошёл от реки; попалась тропинка — по ней идти понравилось. Спустя какое-то время тропа примкнула к просёлочной дороге. Путник зашагал быстрее, словно подталкиваемый новым фактором стремления.

За спиной послышался гул, отозвавшийся в памяти чем-то знакомым. Он оглянулся и, подчиняясь природному инстинкту, отступил в сторону, пропуская громко урчащее большое сооружение. Мимо проехал грузовой автомобиль, обдав путника облаком пыли. Странник лишь чихнул, не проявив никаких эмоций, оттого что его не позвали с собой: ему подобное не приходило на ум. Зато такое сочетание — путь и транспорт — подтолкнули к осознанию нового определения. «До-ро-га... дорога, дорога!» — повторил несколько раз, удивляясь обретению способности часто вспоминать обозначения в окружающем мире. Радовало солнце — то яркое пятно наверху, льющее свет; умиляли цветы — яркие, манящие красотой и благоуханием. Он даже присел на поляне ромашек, наклонил головку цветка к лицу, непроизвольно понюхал.

Путник ускорял шаг, несмотря на урчание в желудке

и усталость, видимо, подсознательно надеясь найти и увидеть то, что ему необходимо...

Дорога привела в деревню. Первое, что он увидел — ограждение из жердей. За ним находились травянистые насаждения с цветками. Пошёл вдоль изгороди, рассматривая, что там, за преградой, растёт. Интуитивно чувствовал, что может найти пищу. Ограждение прервалось, затем началось другое — с другими посадками. Он заметил выглядывающий из земли краешек оранжевого предмета, из которого вверх торчал кустик зелёных стебельков. Чутьё подсказало: это может быть съедобным. Путник перелез через ограду, подошёл к кустикам и осторожно вытащил из земли морковку. Впрочем, название не вспомнил, но догадался о предназначении. Стал раздумывать, как это употребить. Неожиданно раздался неприятный окрик:

– А ну пошёл вон, ворюга! Свой огород надо иметь!

Путник увидел стоящего в углу участка сурового человека с палкой в руках. Из сказанного им странник почти ничего не понял, уловил лишь тон, поэтому догадался: ему необходимо срочно уходить отсюда, с запретной для него территории. Вместо действия, пытаясь объяснить своё появление, произнёс:

– До-рога.

– Чиво?! Иди, иди! — Для убедительности мужик потряс палкой. Потом понял, что прохожий не опасен, проворчал менее злобно: — ходють тут... всякие.

Странник покинул огород прежним способом и направился далее. Поведение чужака почему-то не напрягло. Он обтёр одним движением приобретённый овощ об одежду и начал его грызть. Рассматривая огороды, заметил, что с другого конца к ним примыкают высокие сооружения. Догадался о предназначении: там обитают такие, как он... и как тот с предметом в руках... и как та, кто дала ему есть и пить... ночью возле огня. Он только сейчас вспомнил обрывки ночного приключения. Тотчас постарался выбросить из памяти, потому что соотносил происходящее там с тем, как его сбросили вниз. Путник опасался даже думать, как это произошло.

Крайняя изгородь закругляясь вывела к домику. За более высоким и частым дощатым забором увидел женщину: она развешивала на верёвке одежду. Путник подошёл к калитке — она ниже забора, и лучше видно — глянул на свою одежду и на ту, что развешивала незнакомая.

Женщина заметила чужого, посмотрела пристально, пытаясь угадать намерения. Приблизилась. За калиткой стоял затрапезного вида мужчина, на вид ещё молодой, но обросший и в грязных штанах. В руке зажимал немытую морковь, наполовину съеденную. Он вызывал сострадание, и она решила проявить сочувствие.

– Что тебе нужно... хлеб?

«Хлэб, — отозвалось у него в голове. Затем повторилось ещё, без его напряжения: — хлеб». Только первый звук этого

наименования, если и не звучал, то, во всяком случае, слышался ему иначе. Странник приложил руку к груди и нерешительно произнёс:

— Хлэп... глеп... — внезапно глаза прохожего расширились, отчего женщина аж вздрогнула, и он драматически воскликнул: — Глеб.

Путник заморгал, в глазах появились слёзы радости.

Женщина закивала головой, непонятно что выражая.

— Ты Глеб, я поняла. А что ты хотел всё же? Скажи.

— Глеб, — повторил странник уже спокойней и улыбнулся.

Женщина улыбнулась в ответ. Глеб развёл руки, опустил глаза, как бы показывая себя, как он выглядит. Женщина поняла по-своему.

— У меня нет ничего мужского. Я одна живу... Но и принять тебя тоже не могу. Так что извини. Хлеба на дорожку дам... Постой тут.

Хозяйка дома удалилась. Слов собеседницы он не понял точно, но чувствовал необходимость дождаться. «Глеб — это я. Я — это Глеб», — повторил мысленно и остался доволен. Так радостно не было давно. Он осознал это.

Глеб повертелся по сторонам. Других людей вблизи не видно. Только изредка доносились звуки каких-то живых существ, видимо, обитающих поблизости. Эти звуки не походили на понятные названия, издаваемые людьми.

Вновь показалась та женщина. Подошла к калитке, отворила её. Жестом руки пригласила следовать за нею и пошла.

Глеб оставался на месте. Она оглянулась.

— Что же ты?! Пойдём, накормлю. — Она вновь поманила рукой.

Странник пошёл за нею.

Хозяйка усадила его за стол в маленькой комнатке, наполненной запахами и вкусного, возбуждающего аппетит, и горелого — так что чихать хотелось. Поставила перед ним чашку борща и несколько ломтей хлеба. Пока он не спеша ел, она положила в пакет булку хлеба, бутылку молока, ещё что-то.

— Культурно ешь... видать, интеллигентным был. Что с тобой произошло, бродяга? Не расскажешь?

Глеб лишь улыбался в ответ, мучаясь от непонимания.

— Дорога, — повторил в третий раз за день своё многозначимое объяснение.

Женщина вздохнула, удовлетворившись расспросом: догадалась или поняла о тяжёлом испытании в жизни путника.

— Кушай... Пойду новости посмотрю.

В другой комнате раздались вскоре разговоры людей, другие вроде бы знакомые звуки. Глеб не вытерпел и встал. Заглянул в комнату, где на диване сидела хозяйка. В углу светился ящик — телевизор, названия которого Глеб не помнил. Мелькали кадры. Дикторы рассказывали о событиях. У Глеба заныло в груди от предчувствия, что такой вот была его жизнь. Он ведь знал, наверное — а как же иначе! — все названия вещей и происходящих действий. А сейчас... Сле-

зы навернулись на его глазах. Женщина почувствовала его присутствие. Оглянулась.

– Иди поешь... всё же.

Глеб удалился на кухню и продолжил неспешную трапезу.

Неожиданно распахнулась дверь и на пороге дома появился тот строгий человек, на этот раз без палки — Глебу из кухни видно. Мужик тоже заметил путника и удивлённо вскрикнул:

– Полина, а что это ты в полюбовники такого замызганного приняла?! Я тебе не подошёл, а этот — хоть куда?!

– Дурак ты, Трофим! У человека беда случилась. Нет, чтобы помочь, так ты оскорбляешь! А может, он учёным был или конструктором, а потом с ума сошёл от науки. А ты человека готов в грязь втоптать.

Мужчина опешил от напора Полины, начал оправдываться.

– Я ничего... так просто, хоть он и спёр у меня морковку.

Полина пытливо взглянула на пришедшего и миролюбиво сказала:

– Ладно... Ты вот что... Дай какие-нибудь свои брюки.

А то у Глеба совсем никудышные.

– О! Ты уже имя знаешь...

– Иди уже! — Полина подтолкнула мужика к выходу.

Глеб насытился и сидел, уронив руки на колени, а задумчивый взгляд направил в небольшое по ширине окошко. Что он там выглядывал — хозяйке казалось непонятным. Только

тревожить гостя не стала: пусть отдохнёт.

Пришёл Трофим. Полина тотчас подошла к нему.

– Покажи, что от сердца отрываешь.

Трофим подал женщине брюки.

– Я не жадный, ты меня не принижай!

Женщина внимательно разглядела штаны.

– Мог бы поновее дать, да и рубаху прихватить заодно.

– Разговору не было.

– Недогадливый...

Трофим решительно забрал вещь из рук Полины, глянул на Глеба, протянул брюки в направлении к нему. Глеб встал и приблизился.

– Держи! — Громко и, как ему казалось, дружелюбно сказал мужик. Глеб инстинктивно отшатнулся: испугала ассоциация со словом «держись». — Бери, что ты боишься?! Дарю. Носи... на здоровье.

Путник нерешительно взял брюки в руки, зажимая в кулаки пояс, смотрел на них, не предпринимая действий.

Полина дёрнула легонько за штаны на Глебе. Показала жестом «снимай», затем пальцем указала на новые.

– Трофим, помоги... советом или действием. А я пока выйду.

Хозяйка удалилась в другую комнату. Вскоре под принуждением Трофима странник оказался в новом одеянии.

– Заходи, Поля, мы готовы, — подсказал мужик. Когда она вошла, он добавил комментарий: — Рубаха и эта сгодит-

ся.

Полина подобрала с пола старьё, приоткрыла дверцу в печку и засунула туда непригодную вещь. Глеб непонимающе уставился на дверцу: зачем туда прятать?

– Ну, вот... приделали, я харчей собрала. Ступай в своё странствие, — обратилась она к Глебу, подавая пакет с провизией.

Путник угадал по тону, что требуют от него, и шагнул к выходу. Трофим решил уколоть женщину ехидным замечанием:

– Что ж не оставила поспать на своей кровати?! Отдохнул бы!

– Хватит лясы точить!

Полина открыла дверь, пропустила путника вперёд, вышла за ним, ну и Трофим следом. Во дворе мужик обратил внимание Глеба на себя, показал ему рукой направление и напутствовал:

– Вот по этому пути выйдешь на дорогу, а она приведёт тебя в город... Там, может, люди помогут.

– В городе никому дела нет до посторонних. Не потому, что злые, а из-за того, что постоянно заняты делами... и развлечениями.

– Давай, Полина, напишем ему записку: так, мол, и так... не соображаю ничего... Помогите попасть в больницу.

Женщина покачала головой, но согласилась:

– Хорошая идея. Придержи его. Я сейчас.

Через три минутки она вышла и засунула в нагрудный карман рубашки сложенный вчетверо листок. Её взгляд задержался на рубашке. Она оглядела Глеба и со спины.

– Что такое?

– Видишь, рубаха относительно чистая — не то, что брюки. Наверное, была на нём ещё какая-то одежда, куртка, к примеру.

– Знать потерял... Только у меня лишней нету.

Полина вздохнула, перекрестила Глеба.

– Ступай, убогий.

Трофим ещё раз вытянул руку в направлении дороги и чуть подтолкнул в спину.

Путник пошёл, оглянулся один раз и вскоре скрылся из виду.

– Жаль человека, — произнесла женщина с грустью.

– Может, ему хорошо, привычно в таком состоянии. Откуда мы знаем?! И кого жалеть надо — тоже неизвестно...

Глеб шагал по просёлку. Палящий зной вызвал ощущение жажды. Путник присел у края дороги, раскрыл пакет. Обратил внимание на две бутылки, потому что в них переливалось жидкое: в одной — мутное, не похожее на воду, которую он знал и мог назвать звуками; в другой — прозрачное, похоже, что вода. Глеб выбрал эту и отложил пакет в сторону. Уставился на крышку, не понимая, как открыть доступ к воде. Решил попробовать открыть зубами. Крышка не под-

давалась. Человек покрутил головой и руками, почувствовал, как крышка сдвинулась. Вытащил горлышко изо рта, потрогал пальцами пошатать крышку. Получилось крутануть её вбок. Затем каким-то чутьём довершил отворачивание. Усмехнулся хитроумному приспособлению. И опять на миг почувствовал горечь от утраченных способностей.

Продолжил путь и через некоторое время приблизился к лесочку, примыкающему к дороге. Естественная потребность, заложенная в инстинктах, заставила свернуть в лес. Он отошёл на несколько десятков метров, пока дорога не скрылась за деревьями. Понимал, что спускать одежду на открытом взглядам месте — недопустимо.

Закончил процедуру и почувствовал легче — тяжесть внизу живота ушла. Повертел головой: куда ж ему идти? Неожиданно в вышине раздались приятные звуки. На ветвях дерева заметил маленькое живое существо; вспомнил что такие передвигаются по воздуху, без дороги. Улыбаясь наблюдал, пока птица не улетела.

Пошёл наугад, разглядывая растительность, высокую и низкую. На кустиках приметил круглые шарики-горошинки яркого цвета. Взял одну в руку, поднёс к лицу, разглядел. Рука сама направила ягодку в рот. Впрочем, названия этой горошинки он не помнил, но вкус понравился, и Глеб собрал остальные.

Вышел на утоптанную тропинку и бодро направился по ней; она напоминала дорогу — такое название он считал

главным для себя.

Впереди за деревьями показался краешек сооружения, не свойственного лесу. Он заинтересовался и поспешил туда. Вскоре послышались странные звуки. Они доносились именно из того большого предмета. Что-то знакомое напоминали те звуки. Где-то когда-то он такое слышал, но вспомнить не мог.

Из-за деревьев и кустов показался стоящий на поляне автомобиль, который слегка раскачивался. Глеб припомнил: такое же сооружение он видел в светлом ящике в доме, где его кормили. В таких предметах люди передвигаются очень быстро, сидя на одном месте. Из переднего окна торчала голая нога с красной обувкой. Нога ритмично вздрагивала. Почему-то звуки, хотя и знакомые вроде, настораживали. На миг подумал об угрозе кому-то от кого-то. Может, помочь надо?

Взволнованный Глеб подошёл вплотную и заглянул в окно, откуда вытянулась нога, гладкая и приятная на вид. То, что он увидел напоминало иное, не тревожное, а приятное, испытанное им тоже... когда-то давно. Глеб умел инстинктивно различать мужчин и женщин, догадываясь о разной природе двух внешне похожих представителей человека, как живого существа. И вот теперь он обнаружил, как мужчина поместился сверху и прикасается ртом к частям тела женщины, одновременно то приподнимаясь, то опускаясь над её телом почти без одежды. Она издавала звуки боли, но одно-

временно приятные.

Глеб не удержался и потрогал ногу женщины, провёл ладонью по ней. Женщина вздрогнула, бросила взгляд на свою ногу и дико взвизгнула. Глеб отпрянул назад, запнулся пяткой о бугорок, не удержался и опрокинулся на спину. Пока он поднимался до сидячего положения, услышал краткий резкий говор. Недоумевающий Глеб ещё сидел, потряхивая головой, словно отряхиваясь от ненужных ощущений и событий, когда к нему подскочил мужчина в одних трусах. Он с размаху пнул обросшего незнакомца ногой в лицо. Глеб упал на спину. Из носа потекла кровь. Из открывшейся дверцы вылезла спутница напавшего. Она застёгивала кофточку и поправляла юбку.

— Куда прёшь?! Сиди в машине! Сам разберусь, — рявкнул мужчина даме. Потом спокойнее пояснил: — Прятаться надо. Кто его знает, кто такой?! Чего доброго — расскажет, что видел нас. Тебе это надо?!

— Он ненормальный какой-то. Погляди. Немытый, нечесанный. Наверное, в лесу живёт... в избушке.

Странник угадал в тоне женщины сочувствие, приподнялся, изобразил улыбку.

— Уезжаем, — заторопил мужчина и поспешил вокруг передней части машины к водительской двери.

— Погоди. Ты ему кровь пустил. Надо помочь.

Мужчина притормозил на полпути, оглянулся на сидящего бродягу. Глеб почему решил показать бумагу, данную

женщиной, которая кормила его. Он достал бумажку и протянул в сторону дамы. Она подошла, взяла листок, развернула.

— Здесь написано: «У этого человека потеряна память, возможно, нарушена психика. Помогите доставить в больницу».

— Ишь, умные какие! — взорвался мужчина. — Сами бы и помогали!

— Игорь, надо помочь... ты же добрый...

— Имя не стоит называть при чужих!

— Всё у тебя не так!

— Извини... Куда мы его посадим?

Дама пожала плечами.

— Наверное впереди. Мне одной нужно располагаться... сам знаешь — почему.

— Ага! Что ж не ложились, когда тебя на перекрёстке заметили знакомые?!

— Не успела. Хватит пустословить! Ехать пора: обед кончается.

Игорь подошел к Глебу, подал руку, помогая встать. Провёл его к правой дверце, открыл её.

— Садись! — Мужчина показал рукой на сиденье.

После некоторого замешательства Глеб догадался, что требуют от него. Игорь пристегнул ремень безопасности, хлопнул дверцей. Путник отреагировал вздрагиваниям.

— Без пятнадцати два, — сообщила женщина для сведения

любовнику.

– Успеем, — пробурчал кавалер.

По лесу двигались медленно, а когда выехали на шоссе, водитель решил «проинструктировать» свалившегося на голову пассажира:

– Теперь держись!

Глеб напрягся, сжал пальцы в кулаки, выставил руки в стороны, заметался взглядом, будто выискивал, за что держаться! В его сознании возникли борта лодки, и он инстинктивно чувствовал наличие их по бокам.

– Чего это он испугался? — изумился водитель.

– Наверное, боится быстрой езды, — предположила дама. — Или вообще никогда не ездил на машине... Я же говорила, что живёт в лесу. Его боязнь обычных вещей только подтверждает мою мысль.

– Не смейся. Одежда на нём вполне чистая, хоть и старая. Где в лесу стирку устраивать.

– А его навещают.

– И записки подкладывают... научный эксперимент, — расхохотался Игорь.

Помолчали. Показалась окраина города.

– Сначала меня на работу... за углом остановишь.

– Ого! Ничего себе! А в больницу кто поедет?! Я один, что ли?! Сама предложила — сама сдавать будешь.

– А чужих жён не один разве трахаешь... или помощь нужна?! — высказала недовольство дама. — Хочешь раз-

влечься — готовься к побочным неудобствам!

Игорь хмуро скрипнул зубами.

Без пяти минут два машина тормознула в означенном месте. Женщина выпорхнула, произнеся на прощание:

— В этот лес больше не поедем: опасно... и далеко.

— Ага, — ответил мужчина, не глядя на подругу. Она быстро удалилась, а Игорь запоздало (или преднамеренно) закончил фразу: — Не поедем. Никуда!

До больницы ехали долго. Водитель исподтишка наблюдал за пассажиром, как тот извертелся по сторонам, словно впервые видел город и такое количество людей и транспорта.

Игорь проводил незнакомца-бродягу в приёмный покой. Отдал записку, которую ему передала подруга, сказал, что встретил странного человека в лесу. Пока медсестра изучала содержимое записки, Игорь поспешил удалиться, на прощанье хлопнув по плечу лесного жителя.

Медработница указала Глебу на лавку у стены. «Посидите здесь, я скоро приду», — сказала она и пошла по коридору, свернула за угол. Глеб внимательно посмотрел вслед и почему-то решил, что ему тоже нужно идти за ней. Он неуверенно двинулся в том же направлении. Однако, вскоре его остановила другая женщина в белой одежде: «Вы куда? Туда нельзя! Ждите у входа». Она указала рукой в сторону, откуда он шёл. Глеб развернулся и направился обратно. Бессознательно подошёл к выходу и покинул здание. Во дворе прогуливались несколько пациентов. Глеба заинтересовала

их одинаковая одежда. Некоторые сидели на лавочках и разговаривали с людьми в иной одежде.

Путник присел рядом с беседующими мужчиной и женщиной, вероятно, родственниками. Мужчина вскоре обратил внимание, как посторонний внимательно прислушивается к их разговору, смотрит им в лицо. Тогда он глянул сердито и недовольно сказал: «Что, места мало?! Вон свободные лавочки. Топай!»

Глеб инстинктивно почувствовал значение таких слов, встал и направился прочь, оглянувшись дважды. Тот мужчина на лавочке продолжал смотреть в его сторону...

Удивительно, но странника не пугало многообразие шумов городской жизни. Он старался распознать значение каждого звука, издаваемого людьми, суть всего происходящего. Зачем люди двигаются в таких сооружениях, подобных тому, что привезло его сюда из леса, причём в разные стороны? Глеб бесцельно болтался по улицам, часто меняя направления, так что оказывался на месте, где уже недавно был — это изумляло и веселило его. Усталость подкашивала ноги. Он вдруг вспомнил о подарке женщины, которая его кормила. Растерянно развёл руки: пакета с едой не было. Где-то потерялся. Он вспомнил лес, где повстречал двоих, увезших его в город, ему захотелось вернуться туда и найти свою еду. От огорчения Глеб заморгал глазами, и выкатились слезинки, пожалуй, впервые за долгое время.

С унылым лицом путник сел прямо у стены здания,

не обращая внимания на снующих туда-сюда людей. Сидел несколько минут с опущенной головой. Почувствовал чужой взгляд, повернул голову направо: невдалеке сидел такой же как он заросший человек. Перед ним лежала вещь, которую надевают на голову — Глеб сразу опознал этот предмет, вспомнилось наличие подобного у него самого в прошлом, — а внутри лежали блестящие кругляшки. Прохожий, на глазах Глеба, бросил туда такой же маленький предмет. Сосед перехватил взгляд путника и перестал жевать кусок хлеба. Видимо, насторожился, подозревая намерение чужака утащить богатство. Глеб же глянул в лицо едока и сосредоточил внимание на куске хлеба, проглотил слюну. Это заметил сосед, догадался о голоде, господствующем сейчас в желудке такого же бродяги, как и он. Отломил часть куска и протянул Глебу. Странник взял без колебаний и приступил к трапезе, как всегда, неторопливо, аккуратно.

– Ты откель тут взялся? — спросил соседствующий босяк. Его глаза при этом завистливо уставились на вполне добротную обувь Глеба, потом он глянул на свои ноги с потрескавшейся кожей на пятках. Не дождался ответа и вновь посмотрел в лицо незнакомого, сосредоточенно выискивая приметы, подсказывающие, с каких небес рухнул этот человек. — Что молчишь?!

Глеб наконец созрел для ответа.

– Дорога, — сказал он нараспев, и на лице отобразилось добродушие.

– Понятно... безумный, — сделал вывод мужик, уже не глядя на собеседника.

Неожиданно перед зданием раздался визг тормозов, крики, грохот от удара. Босяк вскочил и выкрикнул комментарий, будто происшествие касалось его самым прямым образом: «Вот бя... проклятое место, что ли?! Третий раз за неделю... на прямой улице, не на перекрёстке! Куда гонят, суки!»

Глеб перестал жевать, тоже встал и направился изучать непонятную ситуацию. За спинами нескольких зевак увидел столкнувшиеся машины. Возле них стояли двое мужчин. Они кричали друг на друга и размахивали руками. К одному из них приблизился плачущий ребёнок. Подскочила женщина, ухватила малыша сзади за одежду и назидательно произнесла фразу: «Глеб, пойдём отсюда. Папа сам разберётся. Не мешай!» Странник уловил лишь тон и — самое главное для него — своё имя. В его понимании возникло противоречие: оказывается, Глеб — это тот маленький ребёнок. А кто же он? Разве не Глеб?! Но почему же его так называли... давно?! Такие мысли принесли страдание, путник беспокойно выбрался из толпы и направился куда глаза глядят...

Ранним утром работник парка обходил территорию. Подбирал мусор, ставил на место сдвинутые лавочки. Возле аттракционов задержался надолго: необходимо проверить со-

стояние технических устройств внешним осмотром.

Неожиданно его внимание привлекла торчащая из лодочки на детской карусели человеческая рука, сжимающая край борта. Нехорошее предчувствие охватило служителя. Он опасливо приблизился к аттракциону, заглянул в лодку. На днище спал обросший, неухоженный мужчина. Работник выдохнул с облегчением: «А-аа, бомж. — Подёргал спящего за рукав: — Вставай, голубчик. Утро».

Глеб встрепенулся, сел. Повертел головой по сторонам с непонимающим выражением лица, глянул на работника и произнёс: «До-рога... — Затем приложил ладонь к груди, начал говорить: — Г...» — прервался, махнул рукой и вылез из лодки. Опустив голову, пошёл наугад с тоскливым чувством в груди. Осознание своего состояния — это единственное, что он мог понимать о себе. Сейчас это было мучением от потерянного имени.

Глава 3 На другом конце вселенной

В полутёмной комнате на диване сидели двое. Сумеречный свет из окон едва освещал их — сложно оценить выражение лица собеседника, разве что догадываться по интонации в голосе о настроении собеседника. Он приобнял её. Она чуть повела плечом, и мужчина убрал руку: посчитал незначительный жест выражением недовольства.

– Вера! — произнёс он как можно мягче и нежнее, — Глеба не вернёшь... Нужно привыкнуть к этому, принять как свершившийся факт... и продолжать свою жизнь, насыщенную творческим подходом и радостью. Я знаю: ты сейчас думаешь о нём, страдаешь от утраченной любви и заботы с его стороны. Но раз его уже нет, ты думай теперь о своей молодой жизни. Пора начинать новые отношения. Ты не одинока. У тебя много друзей и... поклонников красоты. Я... всегда готов оказаться рядом, помочь... дать нежность...

Он провёл ладонью по её щеке, приблизил губы к её лицу. Вера смотрела в направлении окна, поэтому не видела его намерений. Просто именно в этот момент ей пришла в голову мысль пояснить своё состояние. Она резко повернулась в его сторону. Он от неожиданности отпрянул, видимо, вновь почувствовал отказ в проявлении чувств.

– Никита! Не стоит меня уговаривать! С чего ты решил, что я только и делаю, что страдаю?! Я просто не верю, что

Глеба нет в живых, В смысле... считаю, что может оказаться... каким-то чудом он уцелел. Вот я и раздумываю: как произошла трагедия, почему так случилось, какие подробности, насколько мы виноваты... и так далее.

– Я тебе не один раз досконально изложил. Зачем об одном и том же сто раз повторять?!

– А мне не излагать нужно, а рассказать... простым языком, не для протокола. А ты будто отчитываешься перед следователем. Просто по-дружески поясни.

Никита шумно выдохнул, готовясь к долгому пересказу.

– С самого начала... как я узнал о спрятанных в скалах ценностях?

– Нет. Я это помню.

– Хорошо. Меньше напрасной траты времени. Почему я вас именно позвал?

– Нет. Мы же друзья.

– Вот именно. Хочешь, чтобы повторил наши приготовления?

– Зачем же?! Не надо.

– Вера! С какого момента начать?

– Когда гроза началась... Почему вы не вернулись, ведь видели надвигающуюся бурю?

– И об этом я рассказывал. Потому что клад уже был в наших руках. Мы его поднимали. И если бы гроза пришла чуть позже... минут на двадцать, мы бы успели.

– Когда наутро мы искали Глеба, никаких намёков

на упавшие в воду сокровища не нашли... как и самого Глеба.

– Не забывай про течение!

– Но там же бухта! Вода не так быстро меняется, только круговороты.

– Во время грозы и шквалистого ветра ситуация меняется. Унесло течением... и Глеба и ящики.

Вера ещё думала, о чём говорили её неподвижность и молчание, Никита же решил, что она удовлетворена новым пояснением (которых не счесть за два прошедших месяца), поэтому успокоилась.

– Если бы он остался жив, то его где-нибудь кто-нибудь обнаружил бы, — осторожно сказал Никита. — В реке он... а она впадает в другую, та в свою очередь течёт в море. Не найти! Разве что чудом всплывёт...

– А я надеюсь на другое чудо: он остался жив, и его лечат где-нибудь... в маленьком селении, допустим.

– Мы же рассмотрели все возможные места на много километров вниз по течению.

– А если он выбрался на берег и пошёл прочь от реки? — продолжила настаивать Вера на возможных счастливых стечениях обстоятельств.

– Тогда почему бы ему не вернуться к нам?! Он же прекрасно знал наше местонахождение.

– Не знаю...

Вера вздохнула. Никита воспользовался её успокоением

и снова приобнял. Потом рукой повернул её голову к себе и поцеловал в губы. Вера сама не ответила, но и не противилась. Через некоторое время она склонила голову ему на грудь. Он погладил её по волосам.

– Ты же и раньше какую-то симпатию ко мне проявляла... почему бы тебе не привыкнуть ко мне окончательно.

Вера резво встряхнула копной волос и весело воспротивилась, или скорее отговорила, от его версии:

– Прямо-таки симпатию?! Ишь чего захотел! Может, просто дружелюбие. У меня Глеб был.

– Был, но давно. Он как бы поднадоел слегка, и тебе хотелось свежих чувств.

– Не сочиняй! — со смехом отреагировала молодая женщина. — Я просто флиртвала, чтобы Глеб не зазнавался, будто я навеки его собственность.

– Хотела, хотела! — поддразнивая нежно произнёс Никита и вернулся к поцелуям. Через несколько минут их головы на пока ещё отчётливом фоне окна исчезли — медленно опустились вниз к дивану.

Полина наведалась в гости к Трофиму.

– Можно войти? — спросила она, появляясь на пороге.

Трофим проворно спрятал под стол бутылку с самогоном и сунул в рот луковицу.

– Уже вошла — зачем спрашивать. Нас тут осталось человек... по пальцам можно пересчитать, потому все как род-

ня. Приходи хоть ночью!

– Ночью делать нечего, чего пугать визитами?!

– Как сказать! Ночью самые интересные дела.

Полина не отреагировала на шутливое, но с намёками, замечание, прошла к столу, села напротив.

– Доставай.

– Чего?

– Из-под стола. Я тоже не против рюмочки.

– Рюмочек не держим: стаканами пьём.

Трофим суетливо прихватил с полки в углу комнаты стакан, со стуком водрузил на стол рядом со своим. Достал бутылку и наполнил два стакана доверху.

– Куда столько?!

– Не мелочимся! Сколь хочешь — столько пей.

– Ты про кого? Кто не мелочится?

– Я.

– А говоришь во множественном числе.

– Пей, не прискребайся к словам!

Трофим опорожнил тару за три глотка. Полина отпила треть, поморщилась и поставила стакан.

– Какая гадость!

– Аппарата хорошего нет. Денег не хватает. Вот если бы ты состыковалась со мной, тогда бы другой продукт пошёл: и душевный, и натуральный.

– Жить что ли с тобой?

– Ну да. Который год предлагаю, а ты ждёшь, наверное,

когда от меня проку не будет... совсем. Вот ты баба молодая, всего пятьдесят семь годов, а живёшь как старуха! Не разумная ты!

— А шестьдесят три — не хочешь?! — усмехнулась Полина. — Это ж когда было пятьдесят семь!

— Разве?.. Да один итог: что пятьдесят семь, что шестьдесят три! Вот сейчас отметим наше свидание и заживём одним двором... Соглашайся, пока я добрый!

— Я не на свидание пришла. Поговорить... и предложить доброе дело.

— Так и я про то же!

— Ты о другом печёшься. Послушай без комментариев.

— Изволь.

Полина вновь приняла задумчивый вид, помолчала и с подкупающей искренностью начала откровенничать.

— Этот скиталец... что приходил к нам, заставил меня о многом передумать... Он — страшно обездоленный человек, у которого нет ни нормального разума, ни крова, ни близких людей, — стремится к чему-то, непонятному для нас, но дорогому для него. Его назначение в жизни — дорога. Какое значимое слово! Такое трудное бремя — шагать и ждать ясного и необходимого... Он, вроде бы, где-то рядом бродит, и вместе с тем — на другом конце вселенной... Или наоборот: мы все находимся на другом конце его вселенной.

Трофим слушал, приоткрыв рот, сначала часто моргал — настолько необычным показалось ему проявление внутрен-

него мира Полины, о котором он по сути и не подозревал, — даже мелькнула мысль, а не разыгрывает ли его женщина. Но она говорила так душевно, что её желание разобраться в нюансах чужой жизни и сострадание к странствующему человеку передались и ему, пусть в незначительной доле, но всё ж.

— Да... конечно... — со вздохом произнёс он, — тяжкая судьба досталась бедняге.

Она тоже удивилась таким переменам в психологии неспособного, казалось бы, к сочувствию соседа, и одарила его мимолётной улыбкой благодарности.

— Вот я и задумалась о своей жизни: что я делаю здесь в захолустье, отказавшись от шумной, но всё ж разнообразной, жизни?!

— Уезжать что ли собралась? — встревожился Трофим.

Полина мгновенно вернулась к обычному состоянию.

— Нет, конечно! Просто по-другому хочу жить.

— И... что же решила? — с затаённой надеждой ненастойчиво спросил мужчина.

— Решила позвать тебя.

— Куда?.. К себе?

Полина не удостоила внимания такое мелко значимое предположение.

— В дорогу.

— Странствовать?! — удивился Трофим.

— Какой ты всё-таки недалёкий человек, хоть и неплохой

по сути!

Трофим окончательно запутался в словах Полины, натужился мысленно и физически — аж покраснел лоб.

– Поясни.

– Давай завтра съездим в город. Наведаемся в больницу, разузнаем про нашего знакомого, а потом погуляем по городу...

Из больницы вышли в недоумении: как же так произошло, что беспомощный человек остался без внимания и ушёл неизвестно куда, не получив жизненно необходимой помощи. Трофим наблюдал за Полиной, видел, как обеспокоена она, поэтому, вознамерился унять её переживание.

– Поля, что тут поделаешь! Мы не в состоянии изменить происшедшее. Надо и о себе подумать — чего печалиться. Давай успокоимся... походим по улицам, зайдём в магазины... развеемся, одним словом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.